

С.Т. Махлина

ЛЕКЦИИ
ПО
СЕМИОТИКЕ
КУЛЬТУРЫ
И ЛИНГВИСТИКЕ

Светлана Махлина

**Лекции по семиотике
культуры и лингвистике**

«СПбКО»

2010

Махлина С. Т.

Лекции по семиотике культуры и лингвистике / С. Т. Махлина —
«СПбКО», 2010

В книге «Лекции по семиотике культуры и лингвистике» рассказывается о том, как зародилась наука семиотика, об основных этапах ее развития, характерных особенностях знаков, их типах и классификации. В предлагаемом труде показывается многомерность проявления знаков в повседневности, в сакрально-религиозных представлениях, в культуре, науке, искусстве и лингвистике.

© Махлина С. Т., 2010

© СПбКО, 2010

Содержание

Предисловие	6
Раздел I. Семиотика – наука, зародившаяся в недрах лингвистики	11
Лекция 1. Предмет и задачи курса «Семиотика культуры и лингвистика»	12
Лекция 2. Отечественная история семиотики	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Светлана Махлина

Лекции по семиотике

культуры и лингвистике

Издается по решению Редакционно-издательского совета Санкт-Петербургского культурологического общества

Рецензенты:

М. С. Уваров, доктор философских наук, профессор В. Д. Лелеко, доктор культурологии, профессор

Махлина С. Т.

© Махлина С. Т., 2010

© ООО Издательство «СПбКО», 2010

Предисловие

Закономерным стало введение в классификационный перечень дисциплин, необходимых для подготовки философов и культурологов семиотики культуры и лингвистики. Таким образом, по мнению законодателей современного образования, подготовка культурологов вне семиотики невозможна. Критиковать такой подход было бы неразумно, ибо в таком отношении к данной дисциплине есть серьезный научный резон. Начиная с Ф. де Соссюра, семиотика сначала развивалась в недрах лингвистики. Но затем предмет анализа постепенно стал расширяться, захватывая все более обширные сферы культуры. На рубеже XIX–XX столетий зародилась новая наука – семиотика. Эта наука о знаках вызрела в недрах лингвистики, когда с позиций выявления закономерностей языка, стали исследовать литературу и явления, входящие в ее рассмотрение. Вместе с методами лингвистики семиотика также активно стала использовать и методологию логики и математики. Семиотика возникла на стыке нескольких дисциплин. Возникновение ее было случайным, спонтанным, но результаты оказались ошеломляющими. На основе семиотической методологии исследуемые объекты – в первую очередь явления литературы, мира вещей, анализируемых с позиций языка – стали по-новому осмысляться, явили миру новые, непознанные до времени грани. К тому же оказалось, что методология семиотики чрезвычайно близка кибернетике. Традиционно мышление и язык рассматривались как взаимосвязанные и определяющие друг друга явления. Язык рассматривался лишь как деятельность, сущность которой не тождественна ее объективированному продукту. Однако, начиная со второй половины XX века, стала происходить модернизация рационалистической модели знания. Теперь уже становится очевидным, что происхождение и эволюция языка приводят к социальному контексту, язык становится социализирующим фактором. Стало очевидным, что функция языка как социализирующего фактора призвана описать многообразие социальных практик и отношений к окружающей действительности, становясь практическим сознанием в рамках социальной прагматики. Не случайно лингвистика, и соответственно, семиотика, начинают пониматься как универсальный феномен социальной жизни, приобретая приоритетное направление, играющее важную роль в разрешении накопившихся проблем конца XX—начала XXI вв. Поэтому все гуманитарные науки, и в том числе философия, сталкиваются с проблематикой языкового значения как основополагающей в научном образовании. Оказалось, что язык стал социальной структурой, вложенной в модели действия и в интерпретации. Развитие семиотики в начале XX в. отразилось и на философских теориях. Примером может служить книга Бенедетто Кроче «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» (1902).¹ Кроче подводит философию и эстетику под знаковое поле лингвистики: принцип выражения («*espression*») объединяет «общую лингвистику» и философию, поскольку и та, и другая в пределе «экспрессивно-бытийны». Именно с Кроче философы XX в. активно обращаются к универсуму искусства и проблематике языка. Впоследствии многие философы видели в языке как семиотическом феномене один из важнейших методов познания действительности. М. Унамуно предрекал «омоложение метафизики в металингвистике, которая является подлинной металогикой».²

В конце XX в. философские концепции все больше обращают внимание на знаковость культуры, понимая, что предметом исследования поля многообразного художественно-эстетического опыта возможно лишь в его комплексном изучении на теоретическом, практическом и практико-теоретическом уровнях. Искусство XX–XXI вв. требует для его философ-

¹ Кроче Б. *Эстетика как наука о выражении как общая лингвистика*. – М., 1920.

² *Цит. по: Башляр Г. Земля и грезы волн*. – М., 2000. С. 19.

ского исследования отличных от традиционных форм и способов постижения, «конгруэнтных уровню их арт-бытия».³

Иронизируя по поводу тотального заполнения современной гуманитарной научной сферы терминами семиотики, Малькольм Брэдбери пишет эссе-пародию «Язык для своих»: карманный справочник структуралиста». Протестуя против того, что мета-язык, мета-письмо и т. п. стали заполнять не только эстетику и философию, но и любую интеллектуальную деятельность, Брэдбери становится язвительным, выступая в памфлетах против этого новояза. В частности, он пишет: «на заре столетия появился Фрейд с новыми теориями о бессознательном, и теории эти полностью уничтожили невинность секса, а заодно, к счастью, и связанное с ним чувство вины. Фрейд доказал, что все вокруг – секс, поэтому даже кашлять или кататься на велосипеде стало гораздо интереснее. То же самое происходит сейчас и с языком. Он, как и секс, утратил невинность. И теперь семиотики доказали, что все вокруг – язык, включая и секс. Великий французский семиотик Ролан Барт продемонстрировал, например, что пища – тоже язык... на самом деле все, что мы выставляем напоказ, о чем подаем сигналы или чем обмениваемся, есть язык – будь то секс, пища, деньги, одежда, спорт или законные супруги. Все это система знаков, управляемая валютным курсом (неплохое, между прочим, название для современного романа). Я – язык, и вы – язык, хотя одни из нас в нем сильны, а другие – не очень. Вот так обстоят дела на сегодняшний день, но пусть это не повергает вас в суровое молчание. После того как секс потерял невинность, люди не перестали им заниматься. У них просто пропала охота притворяться, будто они не знают, что делают, когда занимаются сексом, который, оказывается, существовал независимо от их размышлений. Точно так же и с языком. Сегодня нам всем следует признать, что мы – взрослые «означающие», всегда участвовавшие в семиотической деятельности. Не нужно паниковать: мы уже в ней – здесь и сейчас. Поэтому я предложил бы то же, что и Зигмунд Фрейд старушке Вене: «Прилягте на диван и расслабьтесь. Я здесь, рядом. И я вам помогу».⁴

Показывая влияние семиотики на современную культуру, Малькольм Брэдбери в романе «Сокращения» выводит литераторов, на книги которых повлияли Эко и Эндо, а также упоминает роль, которую оказал Ролан Барт на современную культуру в целом и художественную в частности.⁵

В России развитие семиотики пришлось на предреволюционные и первые годы после Октябрьской революции. Однако обилие течений и направлений, характерных для этого времени в России, как в искусстве, так и в науке, в конечном итоге обернулось борьбой между ними. Потерпели поражение научные и художественные представления наиболее глубокомысленные, требующие широкого круга знаний и, как правило, оторванные от привязанности к сиюминутным задачам. И все они стали высмеиваться, а затем и преследоваться.

Так семиотика в России первый раз оказалась под запретом, в загоне вместе с социологией, впоследствии с кибернетикой, генетикой и другими передовыми научными направлениями. Многие представители семиотики преследовались (например, М. Бахтин), труды их оказались запрещенными (например, О. Фрейденберг), кто-то эмигрировал (наиболее яркий пример – Р. Якобсон).

Второй этап победоносного шествия и развития семиотики связан с годами «оттепели» в России. В 60-е годы, когда были реабилитированы многие безвинно пострадавшие, вместе с ними вернулись и те, кто занимался исследованиями в области семиотики. Стали публиковаться труды М. Бахтина, сыгравшие важную роль в развитии семиотических идей не только в нашей стране, но и на Западе, публикуются труды О. Фрейденберг и др. К этому времени отно-

³ Корневице О. Б. *Книга неклассической эстетики*. – М.: 1998. С. 112.

⁴ Брэдбери Малькольм. *Три эссе // Иностранная литература*, 2002. – № 12. С. 242.

⁵ Брэдбери Малькольм. «Отражения» // *ИЛ*. 2002. – № 12. С. 175, 180.

сится становление и развитие Московско-тартуской школы. Теперь уже предметом семиотического анализа становится не только литература, но и многие другие виды искусства – музыка, пластические искусства, кино. Семиотические аспекты анализа оказываются применимы и к другим сферам жизнедеятельности человека – быта, в том числе жилища, идеологии и политики. В это время появляются философские труды по семиотике, получает развитие семиотический анализ и в психологии, и в медицине. Однако в России открытое развитие семиотики длится недолго, как недолго просуществовала «оттепель». Наступает «застойный» период, датируемый 1967 годом. В газетах начинается издевательство над семиотическими изысканиями, их терминологией, способами анализа. Многие представители семиотики вынуждены эмигрировать. Единственным оплотом семиотической науки остается Тартуский университет, вернее кафедра литературы во главе с Ю. М. Лотманом. В ответ на притеснения язык исследований становится еще более усложненным, именно в те годы возникает термин «вторичные моделирующие системы». В Тарту печатаются труды под названием «Летняя школа по вторичным моделирующим системам» (всего вышло пять работ). Публикации по семиотике ждали и в России и за рубежом, но распространение идей оказывается замкнутым, аудитория искусственно ограничивается. Так снова развитие семиотики было извне сдержано, свернуто. И все же здесь интенсивно развивалась семиотика во взаимодействии с учеными из других городов СССР, в первую очередь из Москвы (почему эта школа называется «Московско-тартуской»). В трудные годы «застоя» это была единственная база для такого рода исследований. Следует также иметь в виду, что на заре становления семиотики как науки ученые, работавшие в Санкт-Петербургском университете, приняли активное участие в разработке основных направлений и проблем этой философской дисциплины.

Перестройка чудесным образом все изменила в духовной жизни общества. Все ранее запретные книги и статьи по семиотике стали обильно печататься, появились на книжном рынке. Новое издательство «Школа “Языки русской культуры”» интенсивно пропагандирует труды по семиотике. Начинается активная волна интереса к семиотическим исследованиям. Появляются новые диссертации, написанные под влиянием семиотических идей, и защита их уже не подвергается остракизму. Теперь уже диапазон семиотических исследований еще больше расширяется.

Однако у нас в стране происходит довольно странная ситуация. Наиболее видные представители этой науки – В. В. Иванов, М. Л. Гаспаров, Б. М. Гаспаров, А. К. Жолковский, А. М. Пятигорский, М. Б. Ямпольский и многие другие интенсивно печатаются у нас, но живут и, как правило, преподают в западных университетах. При этом из уст некоторых из них раздаются замечания, что семиотика выдохлась, что дальше развитие ее возможно только, если волеются новые силы. И вот уже растет разочарование и неприятие идей семиотики как изнутри, так и вне ее.

Оправдано такое разочарование тем, что пора великих и интересных исследований на первый взгляд прошла. У нас теперь печатают переводные издания по семиотике как раз тех лет, когда западные идеи были закрыты от нас железным занавесом. Работы интересные, ставшие классическими. Да и обилие современных отечественных работ, получивших доступ к публикации, как правило, произведения отнюдь не современные. Чувствуется определенная усталость, накопленная семиотикой. Итак, третий и последний кризис? Неужели семиотика не вписывается в систему современного научного знания и должна быть забыта как интересный и плодотворный, но изживший себя эксперимент?

Думается, что поминки по семиотике преждевременны. Мы очень хорошо знаем, что большинство людей не обладают собственным мнением, заимствуя его у одаренных, ярких личностей, которым они подражают. Но это подражание связано в первую очередь со знакомыми аспектами.

С уверенностью можно прогнозировать, что, несмотря на кризисы и спады, семиотика входит важным компонентом в систему современного научного знания и в будущем ее, несомненно, ждут великие открытия и завоевания. Сегодня семиотические исследования широко распространены во всем мире.

Согласно теории культуры, разработка которой началась в Советском Союзе в 60–70-х гг., культура – это совокупность знаковых систем, с помощью которых человечество, или данный народ, поддерживают свою сплоченность, оберегают свои ценности и своеобразие своей культуры и ее связи с окружающим миром. Эти знаковые системы, обычно называемые вторичными моделирующими системами (или «языками культуры») включают в себя не только все виды искусства, различную социальную деятельность и модели поведения, господствующие в данном обществе (включая жесты, одежду, манеры, ритуал и т. д.), но также традиционные методы, с помощью которых сообщество поддерживает свою историческую память и самосознание (мифы, история, правовые системы, религиозные верования и т. д.). Каждый продукт культурной деятельности рассматривается как текст, порожденный одной или несколькими системами.

Одним из элементов культуры является художественная культура, ее ядром является искусство. И семиотика искусства получила довольно широкое распространение. Рубеж веков ознаменовывается поисками новых выразительных средств в искусстве. Практически нельзя обойтись без семиотического анализа при изучении современной художественной культуры, как и культурологии в целом. И семиотический аспект становится все более и более используемым методом в современной культурологии. Сегодня этот предмет ведется во многих ВУЗах. Следует заметить, что большинство учебных заведений ведут этот курс по подготовленным программам педагогов, читающих такой курс. Ознакомившись со многими программами этого курса, можно сделать ряд выводов. Как правило, такой курс ведут люди, имеющие солидную научную базу и хорошо знакомые с данной дисциплиной. Большинство изученных программ имеют четкую логику построения, хорошо дают представление о предмете и возможностях его применения. В каждом читаемом курсе учитывается специфика профессиональной ориентации студентов. Читать такой курс и сложно и просто. Сложно, потому что дисциплина эта требует очень серьезной подготовки. Просто прийти с общими знаниями и начать преподавать семиотику невозможно. С другой стороны, на современном этапе появилось множество работ, посвященных семиотике. Лишь освоив этот массив, можно, безусловно, подготовить интересный цикл лекций, дающий возможность познакомить студентов с наукой, которая сегодня востребована в разных областях знания.

Сегодня создано много антологий, собраний текстов по семиотике. Такова, например, книга: «Семиотика». Автор-составитель: Скрипник К. Д. – Ростов-на-Дону. РИО Ростовского филиала Российской таможенной академии, 2000. Много книг по культурологии выходит явно с семиотическим уклоном.

Однако накопленный этой наукой материал сегодня оказался столь обширным, что необходима некая матрица для структурирования предмета, столь важного и значимого для подготовки современных специалистов. Закономерно, что уже несколько лет во многих ВУЗах этот предмет ведется. Однако достойных учебников для преподавания пока еще не создано. Есть учебник Н. Б. Мечковской, рекомендованный Учебно-методическим объединением по образованию для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 122600 – теория и методика преподавания иностранных языков и культур, 122900 – перевод и переводоведение, 023000 – теория и практика межкультурной коммуникации и 021700 – филология. Как видно из рекомендации, для культурологов такой учебник слишком узок и не включает многих необходимых разделов. Каждый преподаватель исходит из своего видения предмета и своих возможностей, ибо у любого человека есть предпочитаемые темы, свой индивидуальный взгляд на избираемые проблемы.

Все же можно говорить о неких общих предпосылках, которые должны отличать курс семиотики. Безусловно, открываться такой курс должен освещением вопроса о предмете и задачах курса. Далее, на наш взгляд, следует студентам дать представление об истории семиотики. Несмотря на недолгий этап ее становления, она чрезвычайно насыщена не только именами, работами, но и событиями, особенно в нашей стране. Представляется немаловажным раздел, посвященный семиотике повседневности. Как известно, проблемы повседневности сегодня – один из важных элементов культурологии. И без рассмотрения семиотики повседневности такой курс был бы обеднен.

Особый раздел, безусловно, должен быть посвящен семиотике культуры. Здесь существует множество трудов, которые могли бы помочь преподавателю. И в качестве дополнения, вероятно, возможно выделить еще один раздел – семиотику искусства. Ибо сегодня произведения искусства без знания терминологии семиотики практически до конца понять невозможно. Как полагает У. Эко, даже иконический знак, по своим параметрам наиболее полно отражающий свое означаемое, не обладает никакими общими свойствами со своим объектом, является полностью произвольным, конвенциональным немотивированным.⁶ Такое членение курса подготовлено в программе по семиотике культуры и лингвистике в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств. Дополнена эта программа тестами по семиотике и развернутым списком тем для рефератов.

Внимание к данной проблематике остро актуально и важно для подготовки современных культурологов.

⁶ Усманова А. *Умберто Эко: парадоксы интерпретации*. – Минск, 2000. С. 77.

Раздел I. Семиотика – наука, зародившаяся в недрах лингвистики

Лекция 1. Предмет и задачи курса «Семиотика культуры и лингвистика»

1. Что такое наука «семиотика», что изучает «семиотика культуры»

Само слово семиотика происходит от греческого понятия *semeion* – знак, признак, *semeiotos* – обозначенный. Таким образом, сегодня под словом семиотика понимается наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем, а также изучающая естественные и искусственные языки как знаковые системы. Знаковыми системами, изучаемыми семиотикой, могут быть не только естественные и искусственные языки, но и системы предложений научных теорий, химическая символика, алгоритмические языки и языки программирования, информационные языки, системы сигнализации в человеческом обществе и животном мире (от азбуки Морзе и системы знаков уличного движения до языка пчел или дельфинов). При определенных условиях в качестве знаковых систем могут рассматриваться языки изобразительных искусств и музыки. Соединение в рамках семиотики столь широкого разнообразия объектов изучения связано с фиксацией внимания на определенном их аспекте – на рассмотрении их именно как систем знаков, в конечном счете служащих (или могущих служить) для выражения некоторого содержания. Естественность такого подхода определяется всем развитием науки, в ходе которого устанавливается все большее число общих для различных знаковых систем закономерно-

стей (см. Изоморфизм). Ранними зачинателями семиотики можно считать Блаженного Августина, У. Оккама, Т. Гоббса и Г. Лейбница. Корни современной семиотики можно найти в работах языковедов-философов XIX–XX вв. В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, К. Л. Бюлера, И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Основы семиотики заложили представители европейского структурализма 1920–1930-х гг. – Пражской лингвистической школы и Копенгагенского лингвистического кружка (Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, Я. Мукаржовский, Л. Ельмслев, В. Брэндалль), русской «формальной школы» (Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум).

Швейцарский лингвист Ф. де Соссюр рассматривал естественные языки как знаковые системы, разрабатывая теорию значения знаков в рамках научной дисциплины, названной им «семиологией». Основоположником семиотики является американский ученый Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914), который ввел и самый термин. Семиотика развита в работах Ч. Морриса, Р. Карнапа, А. Тарского.

В XX в. семиотика приняла лингвистический уклон под влиянием идей основателя структурной лингвистики Ф. Де Соссюра и основателя датского лингвистического структурализма Луи Ельмслева и философский уклон под влиянием идей американского философа Чарльза Морриса. За рубежом исследования в области семиотики довольно широко распространены. Среди них следует отметить американскую школу Ч. У. Морриса. Во Франции множество направлений, представленных работами Клода Леви-Строса, Альгирдаса Греймаса, Цветана Тодорова, Ролана Барта, Юлии Кристевой, Мишеля Фуко, Жоржа де Лакана, Жюль Делеза, Жака Деррида. В Италии в настоящее время наиболее яркой фигурой является Умберто Эко, где в 1974 г. состоялся 1-й Международный конгресс семиотиков, на котором была создана Международная ассоциация семиотиков.

В России в 60-е гг. оформилась так называемая Московско-тартуская школа (Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, И. А. Чернов – Тарту; В. Н. Топоров, В. В. Иванов, Б. А. Успенский – Москва). Большую роль в развитии отечественной семиотики сыграли исследования Ю. М. Лотмана. Так, Юрием Михайловичем Лотманом в семиотической культурологии было разработано понятие семиосфера. Как показал Юрий Михайлович, каждая знаковая система в культуре оказывается лишь частью целостного механизма взаимодействий между непохожими друг на друга по своей организации и потому взаимодополнительными языками и кодами. Таким образом, семиосфера – это семиотическое пространство, по своему объекту, в сущности, равное культуре. Семиосфера – необходимая предпосылка языковой коммуникации. Для того, чтобы мог возникнуть акт коммуникации между адресантом и адресатом, оба они должны иметь предшествующий опыт именно в семиотико-культурном плане, т. е. владеть кодами данной культуры: моды, этикета, *языка* определенной социальной страны в обществе.

Но помимо этой основной школы, в стране работают ученые, занимающиеся семиотическими проблемами в философии и культурологии. В Ленинграде (Петербурге) следует отметить работы Л. О. Резникова, В. А. Штоффа, М. С. Кагана, А. К. Байбурина, А. Грякалова, И. И. Докучаева, С. Т. Махлиной, С. В. Чебанова, Т. В. Черниговской, Л. Ф. Чертова, А. Утехина и др.

Для семиотического подхода характерно выделение трех уровней исследования знаковых систем, соответствующих трем аспектам семиотической проблематики: 1) синтактика посвящена изучению синтаксиса знаковых систем, т. е. структуры сочетаний знаков и правил их образования и преобразования безотносительно к их значениям и функциям знаковых систем; 2) семантика изучает знаковые системы как средства выражения смысла – основной ее предмет представляют интерпретации знаков и знакосочетаний; 3) прагматика изучает отношение между знаковыми системами и теми, кто воспринимает, интерпретирует и использует содержащиеся в них сообщения. Одна из важнейших проблем семиотики состоит в выяснении того, в какой мере эти уровни исследования взаимосводимы друг к другу.

В «Словаре культуры XX века» В. П. Руднева дается очень наглядное представление о смысле понятий синтактика, семантика и прагматика на примере знаковой системы знаков дорожного движения: синтаксис – цвета (красный, желтый, зеленый); синтактика – их значение (стоять, приготовиться к движению, ехать); прагматика – обращение к пешеходам и водителям, имеющее разное значение.

Итак, синтактика (от греч. – стоящий по порядку, приводящий в порядок) – раздел семиотики, посвященный рассмотрению и изучению чисто структурных свойств знаковых систем с точки зрения их синтаксиса (безотносительно к их интерпретациям, служащим предметом изучения семантики, и к проблемам восприятия и использования знаковых систем как коммуникативных средств в рамках прагматики).

Тесно связано с понятием синтактика понятие синтагматика – один из двух аспектов исследования языка – изучение языковых единиц в линейном ряду, в тех реальных отношениях, которыми они связаны в тексте; противопоставляется парадигматике.

Понятие семантика более объемное. Семантика (от греч. *semanticos* – обозначающий) – раздел языкознания, логики (или металогики) и семиотики, исследующий смысловую сторону слов и выражений, отношение между знаками, а также изменения значения слов в ходе развития языка и в практической деятельности человека. Таким образом, семантика изучает значения единиц языка – знака.

Существуют и два других, близких к первому пониманию семантики: 2) то же, что семиология, раздел языкознания, изучающий значение единиц языка; 3) один из аспектов изучения знаков в семиотике.

В логике – отдел, изучающий значения понятий и суждений, в особенности при записи их в виде формальных выражений, т. е. формальных систем. К задачам семантики относится уточнение таких понятий, как «смысл», «соответствие», «интерпретация». Интерпретация связана с исследованием смысла какого-либо построения, текста, когда необходимо выявить его семантику.

Семантика как наука начинает развиваться со второй половины XIX в., когда на основе пионерских идей В. фон Гумбольдта, высказанных еще в начале века, появились фундаментальные лингвистико-гносеологические концепции Х. Штейнтеля, А. А. Потебни и В. Вундта, определившие 1-й этап в развитии семантики, который можно назвать психологическим и эволюционным. Для этого этапа характерен широкий эволюционный (но не всегда конкретно-исторический) подход к культуре и уподобление языковой семантики психологии народа. Единство семантики объясняется при этом едиными психологическими закономерностями человечества, а различия – различием «психологии народов». Согласно учению Потебни, мышление эволюционирует в теснейшей связи с языком по закономерностям, которые носят семантический характер (т. е., в понимании Потебни, психологический, но не логический). Как и Вундт, он рассматривал эти закономерности в тесной связи с «народной жизнью», проявляющейся также в области фольклора и «народной психологии». Ряд воззрений Потебни почти буквально совпадает с воззрениями историка литературы А. Н. Веселовского. В XX в. глобальные идеи эволюции и типологии послужили отправной точкой для концепций «языковой концепции мира» (неогумбольдтианство в ФРГ, концепции Э. Сепира и Б. Л. Уорфа в США и др.).

2-й этап, сравнительно-исторический, ознаменовался выделением семантики в особую область языкознания под наименованием семиология. Этот период характеризуется введением в семантику общих принципов конкретно-исторического сравнительного исследования и попыткой формулирования – в основном удавшейся – истории законов семантики.

3-й этап начинается приблизительно в 20-х гг. XX в. Он характеризуется сближением семантики с логикой и философией. А. Ж. Греймас и Ж. Курте трактуют в своем «Объяснительном словаре по семиотике» семантику:

1. Противопоставляемая то паре «фонетика – фонология», то синтаксису (особенно часто в логике), семантика является одной из составных частей теории языка (или грамматики).

2. В лингвистике XIX в. больше всего внимания уделялось разработке фонетики и морфологии; в XX в., как бы под действием обратной тенденции, развиваются прежде всего синтаксис и семантика. В конце прошлого века М. Бреаль первым сформулировал принципы диахронической семантики, призванной изучать изменения значений слов, и приспособил для исследования социального аспекта естественных языков приемы античной риторики (особенно учения о тропах) и стилистики XIX в.

3. Отказавшись от диахронической направленности исследований в пользу синхронического описания явлений значения, семантика в первой половине XX в. поставила своей задачей выявление и анализ семантических полей (называемых также мыслительными, или понятийными). Начиная с работ И. Трира, который параллельно использовал семасиологический и ономасиологический подходы, эти исследования стали называться лексикологией (Ж. Маторе). В такой лексической семантике слово по-прежнему остается основной изучаемой единицей, что сближает ее таким образом с гипотезой Сепира – Уорфа, признающей категоризацию мира на основе лексических средств естественных языков. Этот подход, преследовавший таксономические цели, дал, однако, только частные и ограниченные результаты – из-за отсутствия критериев, существенных для имманентной структуры языка.

4. В 60-е гг. XX века использование фонологической модели, основанной на более или менее эксплицитно выраженном постулате о параллелизме двух планов языка, положило начало новому направлению, обычно называемому структурной семантикой. Считая, что план выражения языка образуют дифференциальные признаки и что этим признакам означающего должны соответствовать признаки означаемого, представители нового направления нашли способ изучения означаемых манифестированных лексических единиц (морфем и им подобных), основанный на расчленении их на более мелкие единицы (иногда называемые минимальными), которые являются семантическими признаками или семами. Каковы бы ни были теоретические предпосылки лингвистов этого направления (У. Вейнрейха, Б. Потье, А. Ж. Греймаса, Ю. Д. Апресяна, Д. Катца и Дж. Фодора), каковы бы ни были результаты, полученные индивидуально каждым из них, следует признать, что структурная семантика явилась важным этапом в развитии лингвистики: накопленный ею методологический опыт позволил по-новому взглянуть на теорию значения, открыл путь для семиотики.

5. Семантика в ее современном виде, по-видимому, подошла к решению проблемы, волновавшей многих лингвистов и нашедшей выражение в знаменитой формуле Л. Блумфилда, согласно которой смысл существует, но мы не можем сказать о нем что-нибудь осмысленное. И действительно, если известная «материальность» означающего служит гарантом научного описания, то план означаемого, который мы можем только предполагать, ускользал от позитивного изучения. Нужна была революция в умах ученых: на смену их уверенности в том, что они описывают «факты» языка, пришла идея, что лингвистика – это лишь теоретический конструкт, – построение, стремящееся объяснить явления, иначе (и непосредственно) непостижимые. Лишь после этого могла быть допущена и признана семантика как искусственно построенный язык, способный говорить о языке-объекте. Следует отметить, что признание семантики метаязыком привело к более или менее осознанному размежеванию специалистов в этой области: наряду с пониманием семантики как научного метаязыка, к которому присоединяемся мы, семантический язык часто рассматривается как обычное парафразирование на естественном языке.

6. Среди проблем, решения которых ожидают от семантики, назовем, прежде всего, проблему производства сем (от греч. *sema* – знак). Теоретически можно себе представить, что около двух десятков бинарных категорий сем, рассматриваемых как таксономическая основа некоторой комбинаторики, способны произвести несколько миллионов сочетаний семем,

количество, на первый взгляд, вполне достаточное, чтобы покрыть семантический универсум, соотносительный (ко-экстенсивный) с тем или иным естественным человеческим языком. Не говоря о практической трудности установления подобной основы семантических универсалий, возникает другая, не менее сложная проблема, касающаяся уточнения правил семантической совместимости и несовместимости, которые управляют построением не только семем, но также и более крупных синтагматических единиц (высказывание, дискурс). Мы видим, что семный (или компонентный) анализ дает удовлетворительные результаты только при проведении ограниченных таксономических описаний (которые можно распространить на структуризацию более открытых семантических полей), поэтому следует оставить мысль о возможности создать для семантического анализа матрицы, подобные тем, которые фонология может создавать для своих задач. В конце концов, лингвистическая семантика (генеративная или логическая, в духе О. Дюкро) тем самым сводится только к установлению возможных универсалий. Таким образом, в 60-х гг. пришлось отказаться от иллюзорной веры в возможность разработки необходимых средств для исчерпывающего анализа плана содержания естественных языков. В то время лингвистика, как теперь стало ясно, ставила перед собой неразрешимую задачу: осуществить полное описание всей совокупности культур человечества.

7. Чтобы преодолеть этап, который был здесь кратко очерчен, семантика – в том виде, в каком Греймас и Курте стремятся разрабатывать в рамках Группы семиолингвистических исследований, – должна удовлетворять, как представляется, по меньшей мере, трем важнейшим условиям:

а) Семантика должна быть генеративной; под этим понимается постепенно возрастающие вложения содержания, расположенные на последовательных ярусах, от наиболее абстрактных к самым конкретным и фигуративным, так, чтобы каждый из ярусов смог получить эксплицитное металингвистическое представление.

б) Семантика должна быть синтагматической, а не только таксономической; следовательно, семантика должна стремиться объяснить не отдельные лексические единицы, а производство и понимание дискурса. Важное значение, которое придается контекстуальным семам в построении семем, позволяет нам в этой связи постулировать следующую гипотезу: наиболее глубинные семантические вложения соответствуют наиболее крупным по величине синтагматическим единицам и служат основой для установления изотопии⁷ дискурсов; таким образом, новые слои вложений ведут к конкретизации содержания и к расчленению дискурса на более мелкие синтагматические единицы вплоть до конечных сочетаний семем.

в) Семантика должна быть общей. Поскольку в естественных языках, совершенно так же, как в естественных мирах, появляются и создаются многочисленные семиотические системы – следует постулировать единство смысла и признать, что он может быть манифестирован разными семиотиками или несколькими семиотиками одновременно (как, например, смысл театрального спектакля): именно поэтому семантика является частью общей теории значения.

8. В рамках семиотической грамматики – такой, какая видится Греймасу и Курте, – выделяются две дополняющие друг друга составные части: синтаксис и семиотика, организация которых имеет два уровня глубины. Генеративная перспектива дискурса включает в себя, таким образом, две семантические инстанции: семантику базовую – на уровне семиотическом или нарративном, – наделенную абстрактным логическим представлением, и семантику нарративную, семантические вложения которой вписываются в формы нарративного синтаксиса на поверхностном уровне. Семантико-синтаксическая репрезентация, которая является след-

⁷ «Изотопия» – термин, введенный в семиологию А. Греймасом, одним из авторов «Объяснительного словаря по семиотике», для обозначения повторов тождественных сил в высказывании или дискурсе, т. е. в синтагматическом плане; в парадигматическом плане – это соединение двух контрарных членов под более общей категорией; например, вершины семиотического квадрата изотопны.

ствием этого, – это репрезентация семиотических структур, которые пускаются в ход в конкретных актах высказывания для производства дискурса.

К понятию «семантика» в лингвистике примыкает понятие «базовая семантика» (франц. *semantique fondamentale*, англ. *fundamental semantics*). По «Объяснительному словарю по семиотике» А. Ж. Греймаса и Ж. Курте, будучи дополнительной по отношению к семантике нарративной и являясь вместе с ней семантической составляющей семиотической грамматики (на уровне семиотических структур), базовая семантика определяется своим абстрактным характером вследствие того, что она вместе с базовым синтаксисом соответствует исходной инстанции генеративной перспективы дискурса. Устанавливаемые ею единицы – это элементарные структуры значения, и их можно сформулировать как семантические категории, способные быть представленными в виде семиотического квадрата (что сообщает им логико-семантический статус и делает их операциональными).

В принципе, считается, что достаточно одной какой-либо семантической категории, чтобы запланировать (*ordonner*) и произвести микромир (микроуниверсум) дискурса путем последовательных вложений в каждую порождаемую инстанцию. Однако две различные семантические категории, взятые в качестве схемы семиотического квадрата, породить также могут новаторский текст (аналитический или синтетико-мифологический). Существование незакрытых видов дискурса или видов дискурса бессвязных такой концепции не противоречит: подобно тому как дискурс в два голоса (диалог) или дискурс в несколько голосов (групповой спор) могут составлять лишь один универсум дискурса и в своей базовой организации протекать лишь от одной категории (или от пары пересекающихся категорий), так же и один манифестированный дискурс может быть как бессвязным, так и частью нескольких дискурсных универсумов. При некоторых определенных условиях можно также предвидеть случай, когда одна категория (или две пересекающиеся схемы) управляет микроуниверсумом, доминирует над другими категориями, которые ей подчинены или только сочинены: одно такое средство, имеющее иерархическую форму и использующее данный универсум культуры, будет названо эпистемэ.

Бог дождя или воды. Иран, ок 2500 г. до н. э.

Если известно, что семантический универсум может быть расчленен двояко: как индивидуальный мир (индивидуум) или как социальный мир (культура), возможно предположить – в порядке гипотезы – существование двух видов семантических универсалий: категории жизнь/смерть и категории природа/культура, – операциональная эффективность которых представляется несомненной.

Базовая семантика выступает на этом уровне как инвентарь (или как таксономия) категорий сем, которые субъект акта высказывания может использовать подобно виртуальным аксиологическим⁸ системам, значимости-ценности которых актуализируются только на уровне повествования, при их соединении с субъектами. Подобная элементарная аксиологическая

⁸ Под «аксиологией» авторы словаря понимают парадигматическую (данную до текста) систему значимостей-ценностей; аксиология противопоставляется идеологии как синтагматической системе ценностей в действии, в тексте.

структура парадигматического порядка может быть переведена в синтагматическую форму благодаря синтаксическим операциям, которые заставляют предвидеть дискурсивные перспективы, исчисляемые в семиотическом квадрате: семантическая структура способна, следовательно, получать в этом плане синтагматическую репрезентацию.

Наконец, прагматика (от греч. *pragma*, род. падеж *pragmatos* – дело, действие) – раздел семиотики, в котором изучаются отношения субъектов, воспринимающих и использующих какую-либо знаковую систему, изучение отношения интерпретаторов-пользователей какой-либо знаковой системы (т. е. субъектов, воспринимающих и использующих ее) к самой знаковой системе. Другими словами, если синтактика изучает отношения между правильными выражениями знаковой системы, могущими в принципе быть интерпретируемыми, а семантика изучает интерпретации этих выражений (т. е. установление таких соответствий с содержательными областями объектов, при которых правильным выражениям приписывается смысл), прагматика изучает восприятие смысла выражений знаковой системы в соответствии с решающими способностями воспринимающего. Понятие прагматика является субъективным, т. к. включает не все возможные его характеристики, а лишь те, которые доступны использующему знаковую систему интерпретатору. Основные идеи выдвинул Ч. Пирс, развиты Ч. Моррисом (ввел сам термин прагматика). Прагматические свойства и отношения (напр., стилистические характеристики языка, оптимальное строение и степень допустимого сжатия сообщений), существенные для адекватного восприятия и понимания текстов, как правило, не выразимы средствами рассматриваемой знаковой системы, и их изучение, помимо лингвистических и логических методов, требует привлечения понятийного и методологического аппарата таких наук, как психология (в частности, инженерная психология), социальная психология, этология; в свою очередь, данные прагматики представляются перспективными для использования в «обслуживающих» ее науках. Прагматика предполагает всесторонний учет свойств и возможностей человеческого интеллекта и претендует на выявление условий и возможностей моделирования этих свойств в рамках широкой междисциплинарной программы т. н. искусственного интеллекта (разработки всевозможных «роботов»). Примерами такого рода задач прикладной прагматики могут служить проблемы машинного перевода и реферирования, построения информационно-поисковых систем и т. п.

Великий ворон (йель) в иконографии индейцев сев. – зап. побережья Северной Америки.

С понятием прагматика связано широко используемое в лингвистике и, соответственно, в семиотике, понятие парадигматика – один из двух аспектов исследования языка, противопоставляемый синтагматике, – изучение элементов языка и классов этих элементов, находящихся в отношениях противопоставления, выбора одного из взаимоисключающих элементов.

Иероглифы, каллиграфия

До сих пор мы описывали лишь параметры дисциплины семиотики. Но основным предметом этой науки, как это явствует из вышеизложенного, является язык.

Язык – это знаковая система. Язык – не только средство, при помощи которого люди общаются, обмениваются мыслями, регистрируют и закрепляют в словах результаты мышления, но и средство формирования человеческой мысли. Без языка невозможно само мышление, невозможно его появление. Вне языка невозможна обобщающая деятельность мышления. В данном случае речь идет о языке естественном как форме выражения мыслей и средстве общения между людьми. Но существуют и искусственные языки, изобретенные людьми. Примером может быть символический язык математической логики.

В культурологии термин язык понимается как выработанная в культуре система норм, в соответствии с которыми происходит осмысление некоторых, специально для этого создаваемых носителей информации.

В свою очередь под естественными языками понимается словесный, вербальный язык. Термин этот стал общеупотребительным, но некоторые ученые, например Л. О. Резников, предлагают термин «исторически сложившийся язык». Резников предложил такое название оттого, чтобы отличить естественный язык от искусственных языков. Под искусственными языками понимаются знаковые системы, создаваемые для использования в тех областях, где применение естественного языка менее эффективно или невозможно.

В XVII – XX вв. было создано около 1000 международных искусственных языков, но только единичные из них получили реальное использование (волапюк, эсперанто).

Первый искусственный язык, получивший реализацию в общении, – волапюк (создан И. М. Шлейером в 1879; Германия). Практика показала сложность использования такой системы. Эсперанто – наиболее распространенный из международных искусственных языков. Он был создан в 1887 варшавским врачом Л. Л. Заменгофом. Сесар Вальехо, перуанский поэт и прозаик писал в 1926 г.: «Эсперанто мало-помалу прокладывает себе путь. В прошлом году Министерство народного образования Франции рекомендовало изучение этого языка во французских школах. В Японии только что сделали то же самое. В общем, эсперантские заведения приумножаются в Соединенных Штатах, в Германии, в России, в Скандинавских странах. С каждым днем растет потребность в международном языке». Однако широко распространенным языком эсперанто так и не стал.

Значительно меньшее распространение имели языки идо (реформированный эсперанто – создан в 1907 во Франции), латиносине-флексионе (создан итальянским математиком Дж. Пеано в 1903) и др.

Специализированными искусственными языками различного назначения являются символические языки науки (языки математики, логики, лингвистики, химии и др.) и языки человеко-машинного общения.

Началом создания и применения специализированных искусственных языков можно считать использование в Европе с XVI в. буквенной нотации и символов операций в математических выражениях.

К искусственным языкам относятся и формализованные классификационные информационно-поисковые языки, предназначенные для индексирования документов и информационных запросов посредством понятий и кодов какой-либо классификационной системы.

Понятие классификационных систем используется для обозначения библиотечно-библиографических систем классификации, которые прошли несколько этапов в своем развитии. Возникнув в глубокой древности для выполнения простейших функций учета и упорядочения библиотечных фондов по содержанию, классификационные системы совершенствовались вместе с развитием библиотек, увеличением их фондов, уровнем развития знания и философскими концепциями составителей. На каждом этапе истории классификационной мысли усложнялась структура классификационных систем, ее технические и технологические возможности. С развитием структуры усложнялась и система обозначений – индексация, являющаяся внешним выражением структуры классификационной системы.⁹ Классификационные системы используются для индексации книг, периодических изданий, магнитных записей, фильмов, картин и для организации фондов различных видов документов.

В России национальной классификационной системой является библиотечно-библиографическая классификация (ББК). Она была разработана 80 лет тому назад и, несомненно, требует определенной модернизации. Используется в России и «Десятичная классификация» М. Дьюи (ДКД), а также международная комбинированная система – УДК, созданная в 1905–1907 гг.

В настоящее время актуальным является вопрос о создании международной классификационной системы, которая, по мнению специалистов, должна быть международной с функциональной точки зрения и универсальной с содержательной и структурной точек зрения.

Понятие язык в семиотике может обозначаться также словосочетанием «знаковая система». Основные свойства языка, знаковой системы: 1) знаки связаны в ней между собой определенными правилами синтаксиса; 2) новые знаки вводятся в систему не произвольно, а на

⁹ См. об этом: Сукиасян Э. Р. Классификационные системы в их историческом развитии: проблемы типологии и терминологии / Э. Р. Сукиасян // *Научные и технические библиотеки*. – 1998. – № 11. С. 5–16.

основе правил; 3) значение знака в системе зависит не только от него самого, но и от его места в системе; 4) система состоит из конечного (хотя и не всегда постоянного) числа элементов (знаков), так что может быть составлено их описание с указанием каждого из них (словарь); 5) осуществим перевод (замена) одной знаковой системы на другую.

Так как язык – предмет изучения в первую очередь лингвистики, то в ней сложились знаковые теории языка – совокупность теоретических положений (идей, гипотез) о строе языка, рассматриваемого как система знаков и об отношении его к внеязыковой действительности. Понятие знака, восходящее к стоикам, изначально определялось как двусторонняя сущность, образованная отношением означающего (*semainon*) и означаемого (*semainomenon*) значений, интерпретируемых соответственно как «воспринимаемое» и «понимаемое». Определение знака как единства звуков и значения прошло через всю средневековую философию. Как считает У. Эко, «разработанную теорию знаков мы находим только у оккамистов. Вернее, раньше она тоже существовала, но раньше интерпретация знаков либо носила чисто символический характер, либо видела за знаками одни идеи и универсалии. И только от Бэкона до Оккама, в этот единственный период, знаки использовались для изучения индивидуалий». В новое время теория о знаках была изложена в трудах В. Гумбольдта, сформулировавшего «закон знака».¹⁰

Общие принципы знаковых концепций были сформированы на основе анализа свойств естественного языка одновременно разными науками – философией, логикой, математикой, и психологией, лингвистикой в конкретных, специфических для каждой отрасли знаний целях, что позволяет разграничить знаковые теории по четырем научным сферам: философской, логико-математической, психологической и лингвистической, хотя граница между ними относительна. Большое влияние на формирование знаковых теорий языка оказала семиотика. В «теории символических форм» немецкого философа Э. Кассирера (1923) язык рассматривается как одна из символических форм наряду с религией, мифологией, культурой, наукой и т. п.

Логико-математическая линия представлена прежде всего работами Ч. С. Пирса, который разрабатывал особый вариант математической логики, называемый «умозрительной или чистой грамматикой». По характеру соотношения двух сторон знака Пирс выделил 3 типа знаков: а) иконические знаки, формируемые на основе подобия знака и денотата; б) знаки-индексы, создаваемые отношением смежности знака и денотата; в) знаки-символы, порождаемые установлением связи знака и денотата по условному соглашению – конвенциональные знаки. Связь двух сторон знака-символа не зависит от их сходства; такой знак обретает статус условного установления. В духе логического позитивизма эти идеи развивает Р. Карнап, работы которого («Логический синтаксис языка» 1934, «Введение в семантику», т. 1–2, 1942–43) оказали большое влияние на знаковые теории. В работах Карнапа понятие «знак», будучи приспособлено к конкретным нуждам специальных областей знаний, главным образом математики и физики, трансформируется. «Знак» (*sign*) приравнен им к «знаковому выражению» (*sign expression*) и тем самым сведен к форме знака. Характерной чертой знака стало не свойство «замещать что-либо», «репрезентировать», а «принадлежать к системе, быть членом строго формализованной системы, исчисления». Знаковые теории языка на бихевиористской основе создал Ч. У. Моррис. В концепции Морриса язык интерпретируется как «целенаправленное поведение» (*goal-seeking behavior*), введено понятие «знаковая ситуация», а знак определяется как сумма условий, достаточных для его формирования. Моррис ввел новое понятие системности знаков, разграничив последние по способу сигнификации на характеризующие (*designators*), оценочные (*appraisors*), предписывающие (*prescriptors*), идентифицирующие (*identifors*), знаки-форматоры (*formators*). Достижением теории Морриса явилось разгра-

¹⁰ В. фон Гумбольдт. *Избранные труды по языкознанию*. – М., 1984. С. 127.

ничество трех семиотических сфер: семантики, синтактики и прагматики, однако в этой теории все факторы, составляющие знаковую ситуацию и знаковое значение ставятся в зависимость только от субъекта, от его эмпирического опыта и данных его чувственного восприятия. Влияние бихевиористских знаковых теорий испытал Л. Блумфилд. В работе Ч. К. Огдена и А. А. Ричардса «Значение значения» (1923) исходными понятиями являются «символ», «мысль», «вещь», как необходимые константы «семантического треугольника». Огден и Ричардс разработали теорию знаковых ситуаций (sign situation), введя понятие внутреннего психологического и внешнего контекста. Для этой теории, в противоположность бихевиоризму Блумфилда, характерно акцентирование факта связи знакового выражения (sign expression) с ментальным, мыслительным образом вещи.

Богиня Хатор, держит в руке анх

Первым лингвистом, применившим понятие знака к конкретному описанию языка, был Ф. де Соссюр. Через призму знака, моделирующего взаимоотношение двух «аморфных масс» он вскрыл некоторые существенные стороны механизма внутренней организации языка как системы. Рассматривая язык как «систему знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа», он предложил семантические понятия «знак», «значение», «значимость» и др., применимые только к системе слов, т. е. к первичному этапу знакообразования. Идеи Соссюра были подхвачены многими последующими структуральными направлениями.

Другой подход к определению сущности языка и языкового знака и к методам их исследования представляла Пражская лингвистическая школа. Пражская школа испытала на себе влияние русской лингвистической мысли, особенно идей И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Идеи изучения синтактики и прагматики естественного языка нашли также отражение в разработке знаковой теории дискурса в трудах Э. Бейсенса (*Les langages et le discours*, 1943), Л. Прието (*Semiologie de la communication et semiologie de la signification*, 1975). Идеи Р. Барта («Основы семиологии») о знаковых системах как носителях смыслов в контексте современной европейской культуры разрабатываются главным образом применительно к художественным текстам.

Божество с переполненным сосудом

Философские аспекты знаковых теорий языка представлены трудами А. Ф. Лосева, Ю. С. Степанова, Л. О. Резникова, Л. А. Абрамяна и др.

Мы постоянно, оперируя основными терминами семиотики, употребляли понятие «знак».

Настало время объяснить и описать его. Знак – материальный, чувственно воспринимаемый объект, который символически, условно представляет и отсылает к обозначаемому им предмету, явлению, действию или событию, свойству, связи или отношению предметов, явлений, действий или событий, сигнализирует о предмете, явлении, свойстве и т. п., которые им обозначаются. Материализуя мысленные образы, знак дает возможность накапливать, хранить и передавать информацию.

Основоположник семиотики американский логик Чарлз Пирс (1894–1914) подразделял знаки прежде всего по отношению их к денотату на изображения, индексы и символы. Отношение между знаком и логическими операциями познающего субъекта он положил в основу определения понятия «значение».

1. А. Ж. Греймас и Ж. Курте в работе «Семиотика. Объяснительный словарь» дают следующее определение знака (Signe – фр., Sign – англ.) – единица плана манифестации, конституируемая семиотической функцией, то есть отношением взаимной пресуппозиции (или солидарности), которое устанавливается между величинами плана выражения (или означающим) и плана содержания (или означаемым) в акте речи.

2. Соссюр, сформулировавший проблему языкового знака, считал знак результатом соединения означающего и означаемого (которые Соссюр отождествил, на первом этапе, соответственно с акустическим образом и понятием). И, хотя впоследствии, развивая свою теорию, Соссюр считал необходимым более абстрагировать оба эти понятия и признать означающее и означаемое таковыми только в силу того, что они служат конституентами языковой формы (как лицевая и оборотная стороны листа бумаги), термин «знак» в течение долгого времени отождествлялся – да и сейчас отождествляется – с минимальным знаком, то есть со «словом» или, более строго, с морфемой (или, в теории А. Мартине, с монемой). Именно в этом смысле знак используется в расхожем определении языка как «системы знаков».

3. Л. Ельмслев внес в теорию знака вклад двоякого рода: а) представляя знак как результат семиозиса, происходящего в акте речи, он показывает, что величина единиц манифестации не существенна для определения знака, иначе говоря, что наряду со знаками минимальными, каковыми являются «слова», можно говорить и о знаках-высказываниях или знаках-дискурсах; б) постулируя для каждого из двух планов языка – выражения и содержания – различие между формой и субстанцией, он уточнил сущность знака, определив его как соединение формы выражения и формы содержания (таким образом, в плане выражения в построении знака участвует фонологическая, а не фонетическая структура).

4. При употреблении языка происходит, следовательно, семиотическая манифестация в форме знаковых цепочек. Изучение знаков, произведенных определенным членением формы выражения и формы содержания, возможно лишь в том случае, если оба плана разъединены,

чтобы быть изученными и описанными каждый в отдельности. Иными словами, если считать анализ манифестации, имеющий целью опознавание и установление минимальных знаков, необходимым предварительным условием, то семиотическое исследование начинается в действительности только по одну сторону минимального знака и должно проводиться для каждого из планов языка отдельно, и здесь основными единицами являются уже не знаки, а фигуры.

5. Однако, существует также экстра– или парасемиотическое значение слова «знак», встречающееся иногда в семиотических или лингвистических работах. В этом случае под знаком обычно имеют в виду «нечто репрезентирующее нечто другое». Будучи перенесенным в семиотику, термин «знак» означает тогда любую форму для выражения мысли или вещи: то есть совпадает с понятием «форманта». Такое употребление «знак» предполагает особую концепцию языка – язык понимается как запас «этикеток», которые прикрепляются к уже существующим предметам, подобно обыкновенной номенклатуре (Л. Ельмслев).

6. Англо-американская лингвистика либо очень мало интересовалась проблемами знаков, находясь под влиянием бихевиоризма, либо под влиянием позитивизма пыталась ввести в определение знака понятие референта, построив треугольную модель его интерпретации (Огден и Ричардс, вслед за Ч. С. Пирсом). Три угла в нем образуют: а) символ (означающее, или, согласно Пирсу, репрезентамен (representamen); б) референция (означаемая реальность, или, по Пирсу, интерпретанта); в) референт (означаемая реальность, или, согласно Пирсу, объект). Как известно, лингвисты, следующие за Соссюром, считают исключение референта необходимым условием развития лингвистики.

7. Проблема референта еще более углубляет пропасть, которая продолжает разделять две концепции лингвистики и особенно семиотики. Если для европейской семиотики анализ знака – лишь промежуточный этап для перехода к описанию внутренней организации (сеток членения) форм, то для американской семиотики характерна тенденция останавливаться на уровне знака и заниматься их классификацией, базирующейся большей частью на типе отношения между знаком и референтом (например, иконический знак определяется отношением сходства; указатель – отношением «естественной» смежности; сигнал – искусственным отношением и т. д.).

8. Представляется возможной еще одна классификация знаков, основанная на внутренних признаках: она могла бы характеризовать знаки по их принадлежности к определенному типу семиотики (одноплановая, двуплановая, многоплановая).

Л. О. Резников и А. А. Брудный¹¹ высказывают мысль о том, что отношение знака к объективно-реальным предметам опосредовано сознанием. Основным для знака является его отношение к значению, т. е. к тому, что существует в сознании. Единство значения и знака, по их мнению, составляет необходимое условие общения, ибо знаки могут служить процессу обмена мыслями только при наличии значений, известных, понятных тем, кто общается. А. А. Зиновьев¹² отмечает, что знаки имеют ряд свойств, кроме того, что они находятся в соответствии с обозначаемым. Так, на роль знака отбираются удобные предметы, а не любые. Знаки должны непосредственно восприниматься теми, для кого они предназначены. В концепции знака и значения, разработанной И. С. Нарским, отношение знака к вещам и процессам вовсе не обязательно должно быть опосредовано сознанием, ибо как знаковые отношения, в математической логике, например, интерпретируются генетические, гормональные и феромональные структуры и процессы. Как материал знак, так и его значение могут быть либо материальными, либо идеальными. Знаки образуют особого рода знаковую систему – язык. Знак представляет единство определенного мыслительного содержания означаемого и означающего. Две стороны

¹¹ Брудный А. А. *Знак и сигнал // Вопросы философии. 1961. – № 4. С. 128.*

¹² Зиновьев А. А. *Об основных понятиях и принципах логики науки // Логическая структура научного знания. – М., 1965. С. 158–159.*

знака, будучи поставлены в отношении постоянной опосредованной сознанием связи, составляют устойчивое единство, которое посредством чувственно воспринимаемой формы знака, т. е. его материального носителя, репрезентируют социально приданное ему значение.

Если отвлечься от расшифровок, определение знака наиболее точно и полно дано Л. Резниковым для общей теории знаков: «Знак есть материальный, чувственно-воспринимаемый предмет (явление, действие), выступающий в процессе познания и общения в качестве представителя (заместителя) другого предмета (предметов) и используемый для получения, хранения, преобразования и передачи информации о нем».¹³

Основные черты знака: 1) он имеет значение; 2) информирует не о себе, а о чем-то, находящемся за пределами знака; 3) употребляется для хранения и передачи информации; 4) функционирует в знаковой ситуации, т. е. при наличии воспринимающего человека (или другой организованной системы); 5) значение знака единично и устойчиво (во всяком случае – в данном контексте); 6) границы знака ясно очерчены, так что он может быть отделен от других знаков и многократно использован в разных контекстах; 7) его форма может сильно изменяться в широких пределах, единственное требование к ней – она должна позволить опознать знак, отличить его от других; 8) форма частично или целиком произвольна по отношению к денотату. Например, любой дорожный знак удовлетворяет всем 8 требованиям. Он всегда имеет значение: «Остановка запрещена», «Не шуметь», «Осторожно, дети» и т. п. Любой дорожный знак информирует не о себе. Он функционирует только в знаковой ситуации. Его значение всегда одинаково (в противном случае знаки могли бы быть источниками аварий и дорожных происшествий). Границы его ясно очерчены – его всегда можно унести, переставить в другое место, снять и повесить другой в случае надобности. Он может быть нарисован на деревянном щите или на металле, более густой или менее насыщенной краской, – главное, чтобы мы могли его отличать от других знаков.

Понятие знак неразрывно связано с понятием денотат. Денотат (от лат. *denotatum* – обозначаемое) – обозначаемый предмет. Термин денотат употребляется в следующих значениях:

1) Денотат некоторого конкретного речевого отрезка – то же, что референт (как его определяют Ч. Огден и А. А. Ричардс). Термин «денотат» в этом смысле употребляется как русский эквивалент термина Г. Фреге *Bedeutung* (букв. «значение») и его английского перевода *denotation*, используемого, напр., Б. Расселом и А. Черчем.

2) Денотат некоторой языковой (абстрактной) единицы – множество объектов действительности (вещей, свойств, отношений, ситуаций, состояний, процессов, действий и т. д.), которые могут именоваться данной единицей (в силу ее языкового значения). Такое употребление термина «денотат» (К. И. Льюис, У. О. Куайн, Дж. Лайонз и др.), восходящего к термину *denotation* Дж. С. Милля (1843), соответствует тому, что в традиционной логике называется «объемом понятия», а у Р. Карнапа – «экстенционалом». В этом случае денотат противопоставлен в первую очередь сигнификату («содержанию понятия» в традиционной логике, «интенционалу», по Карнапу), а во вторую очередь – референту.

3) Элемент экстенционала (т. е. множества объектов, способных именоваться данной языковой единицей).

4) То же, что «денотативное значение» – понятийное ядро значения, т. е. «объективный» («номинативный», «внешнеситуационный», «когнитивный», «репрезентативный», «фактический», «диктальный», «предметно-реляционный») компонент смысла, абстрагированный от стилистических, прагматических, модальных, эмоциональных, субъективных, коммуникативных и т. п. оттенков.

Денотат – вещь в самом широком смысле, как нечто, что может быть названо и обозначено собственным именем (А. Черч). Немецкий математик Фреге для обозначения такого тер-

¹³ Резников Л. О. *Гносеологические проблемы семиотики*. – Л., 1964. С. 9

мина употреблял термин «номинат» (Nominatum). Возможен и такой случай, когда то или иное выражение имеет смысл, но не имеет денотата. Многозначность характеризует не только термин «Денотат», но и соотносительные с ним термины – «денотативное значение», «денотативная (предметная) отнесенность», «денотативные аспекты (компоненты) смысла» и др.

В семиотике денотат – то, представителем чего является знак в языке.

Современная семиотика выделяет в языке два плана: денотативный и коннотативный. Под денотативным значением слова принято понимать не сам предмет в его конкретной единичности, но «типовое представление о нем» или же «класс объектов, объединяемых выделенными при их номинации свойствами».¹⁴

Денотат отличается от значения знака. Значение знака – содержание, связываемое с тем или иным выражением (слова, предложения, знака) некоторого языка. Значение – то, чем данный объект является для людей, находящихся в процессе житейской, эстетической, научной, производственной, общественно-политической и другой деятельности. Значение языковых выражений изучается в языкознании, логике и семиотике. И. С. Нарский определяет значение как информацию о вещах и их свойствах и отношениях, о явлениях и процессах внешнего мира, устанавливаемую и проверяемую в конечном счете практикой. В логической семантике под значением понимается объект, сопоставляемый при интерпретации некоторого естественного или искусственного языка любому его выражению, выступающему в качестве имени. Таким объектом может быть как вещь, так и мысль о вещи. В науке о языке под значением понимают смысловое содержание слова. В логике (и семиотике) под значением языкового выражения понимают тот предмет или класс предметов, который обозначается (называется) этим выражением (предметное, или экстенциональное значение), а под смыслом выражения (смысловым или интенциональным значением) – его мыслимое содержание, т. е. ту заключенную в выражении информацию, благодаря которой происходит отнесение выражения к тому или иному предмету (предметам).

Одни из первых работ, посвященных значению – Ч. Огдена, А. Ричардса и Дж. Вуда «Значение значения» (Ch.K. Ogden and I. A. Richards. *The meaning of meaning.* – L., 1923) и «Основы эстетики» (Ch.K. Ogden, I. A. Richards. J. Wood. *The foundations of aesthetics.* – L., 1922; 2 ed., 1925), написанные в русле неопозитивизма. В этих работах утверждалась многозначность и неопределенность смысла эстетических категорий. Их идеи продолжили Ч. Стивенсон, Д. Хосперс, В. Илтон, О. Боувем и др.

Исследуя значение предметных форм в архитектуре и дизайне, Умберто Эко указывает на два типа или уровня значения, приписываемых форме. Первичным уровнем значения являются те практические функции, для которых вещь предназначена и которые она денотирует как знак. Вторичное, коннотативное значение – символом чего она служит.¹⁵

Знаки могут быть различными. Существуют различные классификации знаков. Мы придерживаемся классификации, впервые примененной Ч. Пирсом. Он рассматривал специфику знаков по их отношению к денотатам. В связи с этим им были подразделены знаки на иконические знаки, знаки-изображения, знаки-индексы, или знаки-признаки, и символы. Третий вид знаков мы называем условными знаками, отличая их от символа – понятия более многозначного, в одних случаях более узкого, в других – выходящего за пределы объема значения термина «знак».

Знак-изображение воспроизводит в своей материальной структуре структуру денотата. Воспроизведение основано на принципе подобия, сходства с отображаемым предметом или явлением.

¹⁴ Телия В. Н. *Коннотативный аспект семиотико-номинативных единиц.* – М., 1986.

¹⁵ Eco U. *Einführung in die Semiotik.* – München, 1972. С. 302–311.

Сходство изображения с отображаемым предметом может быть различным, но никогда не бывает полным, то есть тождественным. «Любое изображение, будучи само по себе конкретным, материализует (при создании) и вызывает в сознании (при восприятии) образ оригинала. Этот образ всегда будет абстрактным отображением оригинала, ибо он всегда от чего-то отвлекается, что-то выделяет и т. д.».¹⁶

В некоторых случаях возможен «абсолютно изобразительный знак», по существу знаком не являющийся. В этом случае в знаке-изображении полностью воспроизведен изображаемый объект. По существу, такой абсолютно изобразительный знак (термин введен Ч. Моррисом) уже будет не изображением, т. е. не знаком, замещающим предмет в процессе познания и общения, а новым, самостоятельно функционирующим предметом. Примером абсолютно изобразительных знаков могут быть реальные предметы быта, используемые в исторических постановках сценографами театров. В отличие от абсолютно изобразительного знака, изображение всегда ограничено в полноте воспроизведения свойств денотата. Степень его сходства с объектом определяется тем, какие структурные характеристики последнего сохранены в изображении, то есть являются инвариантными, а какие изменены.

На одном уровне сходства (подобия) в качестве таких инвариантов выступают величина предмета и его положение в пространстве (метрический инвариант). На других уровнях константными являются лишь пропорции между величинами (инвариант геометрического подобия) или только параллельность линий при нарушении других характеристик формы (аффинный инвариант). Наконец, существуют проективный инвариант (параллельные линии превращаются в сходящиеся – например, при любом перспективном изображении) и топологический (многоугольник превращается в окружность).

Наибольшее сходство наблюдается при полностью соблюденном метрическом инварианте, когда изображение совпадает с объектом при наложении (такое совпадение называется конгруэнтностью). Меньше степень сходства при инварианте геометрического подобия, еще меньше при аффинном инварианте и т. д., вплоть до топологического инварианта.

Параллельно с этим растет степень обобщенности изображения.

Некоторые из материальных свойств денотата вообще не воспроизводятся в знаке-изображении, а только выражаются (кодируются), то есть обозначаются условно. Например, черно-белая фотография (не в натуральную величину) воспроизводит пространственные характеристики предмета без сохранения метрического инварианта, но с сохранением инварианта геометрического подобия для одних характеристик и аффинного инварианта для других (так, объем передается главным образом с помощью перспективы, т. е. аффинного преобразования). Модальные же характеристики объекта в этом изображении не отражены или выражены условно, «закодированы» (например, цвет, твердость и т. п.).

В знаке-изображении отражается не только объект, но и – косвенно – субъект, создатель изображения. Изображение – это результат активной познавательной-теоретической деятельности человека, которая заключается в мысленном овладении объектом и его преобразовании. Даже тогда, когда изображение получается механическим путем (например, при фотографировании), оно включает субъективный момент, который проявляется в выборе предмета, точки зрения на него (ракурса изображения) и т. п.

Преобразование объекта (которое вовсе не равнозначно намеренному искажению его формы), таким образом, характеризует любое изображение. Все сказанное о знаке-изображении вне искусства относится и к художественному изображению, с той, однако, важной оговоркой, что степень отхода от оригинала, мера несходства с ним будет в искусстве, при прочих равных условиях, большей. Здесь к названным выше субъективным факторам прибавляется то, что называют «индивидуальным видением» мира художником.

¹⁶ Басси Е. Я. Семантическая философия искусства. – М., 1973. С. 48.

Описывая знак-изображение, мы употребляли термин изоморфизм. Его часто, особенно представители художественной интеллигенции, что отражается и в их публикациях, путают с гомоморфизмом. Изоморфизм (греч. *isos* – равный, одинаковый, подобный, *morphe* – вид, форма) – отношение между объектами одинаковой, тождественной структуры. Если каждому элементу одной структуры соответствует лишь один элемент другой структуры, то такие две структуры называются изоморфными друг другу структурами. Изоморфизм – понятие, уточняющее широко распространенное понятие аналогии, модели, соответствие (отношение) между объектами, выражающее тождество их структуры (строения).

Гомоморфизм (греч. *homos* – равный, одинаковый и *morphe* – вид, форма, образ) – такое отношение между двумя совокупностями (системами) каких-то предметов (объектов), когда:

1) каждому предмету (объекту) первой совокупности соотносится один только предмет (объект) второй совокупности и каждому виду отношения первой совокупности соотносится один только вид отношения второй совокупности;

2) когда для ряда предметов первой совокупности выполняется некоторое отношение первой совокупности, то и для предметов второй совокупности выполняется отношение второй совокупности. Принято говорить, что вторая совокупность предметов (объектов) представляет гомоморфный образ, модель первой совокупности предметов (объектов).

Гомоморфизм – обобщающее понятие изоморфизма. Гомоморфизм – такое соответствие (отношение) между объектами, при котором один есть «модель» другого.

Второй тип знаков – знак-индекс или знак-признак – предмет (явление) или его свойство, несущие информацию о тех явлениях, которым оно постоянно сопутствует и частью или следствием которого они являются. Примером может служить чайка как знак моря (сопутствие), дым как знак огня (следствие). Признаками являются и всевозможные средства выражения эмоций людьми в общественной жизни: жесты, мимика, речевые интонации (психология называет их «выразительными движениями»). Описанные признаки относятся к числу природных, естественных, если они не используются в целях коммуникации, т. е. в целях хранения и передачи информации. Однако, те же самые признаки или же созданные по их образу и подобию, либо на их основе, могут использоваться в коммуникативных целях. В этом случае, т. е. когда они являются искусственными, мы можем их назвать знаками, тогда как в первом случае, в строгом смысле слова, знаками они не являются. Естественно, признаки связаны со своим денотатом объективно, поскольку признак относится к обозначаемому предмету либо как часть к целому, либо как следствие к причине. Наличие такой связи позволяет говорить о том, что признак выражает одну из сторон явления в целом. Иначе говоря, он служит проявлением одной из сторон сущности этого явления. Это становится особенно ясным, когда перед нами естественные признаки человеческих эмоций, т. е. выразительные движения. «Чувства человека получают специфическое выражение в произвольных мимических и пантомимических движениях, а также в интонациях речи. Переживание гнева, восторга, печали, удивления, волнения, беспокойства характеризуются присущими ему особенностями выражения. Поэтому, несмотря на определенные различия в выражении чувств, вызванные индивидуальными особенностями человека – типом нервной системы и т. д., сказывающимися на его характере, – по воспринимаемой мимике и пантомимике мы можем понять, что человек испытывает: нежность или злобу, радость или горе».¹⁷ Таким образом, произвольный жест, произвольная речевая интонация или мимическое движение непосредственно выражают чувства человека, и, следовательно, полностью ему соответствуют. Когда же мы обращаемся к искусственным знакам, которые выступают уже в роли средств общения между людьми, то о непосредственном выражении эмоций говорить можно далеко не всегда. Это связано с тем, что искусственные знаки-признаки, в том числе такие, как употребляемые в общении жесты, мимика, речевые интона-

¹⁷ Якобсон П. Я. *Психология чувств*. – М., 1958. С. 158.

ции, не являются копиями естественных признаков, а в той или иной мере изменены по сравнению с ними. Эти изменения обусловлены общественной практикой. В искусстве выражение эмоции отходит еще дальше от непосредственного, так как опосредуется не только привычками эпохи и требованиями общественной обстановки, но и специфическими требованиями искусства, стилем данного художественного произведения, манерой художника и т. п. Поэтому речь актера никогда не воспроизводит в точности бытовых интонаций, его мимика и жесты отличны от применяемых в окружающей жизни, хотя и опираются на последние. И, тем не менее, знаки-признаки весьма распространены в искусстве.

Третий тип знаков – знак-символ или условный знак. Это – один из типов знаков, классифицируемых по отношению к денотату. Само определение говорит о произвольности связи знака с денотатом. Эта связь устанавливается по договоренности между людьми, употребляющими знак.

Во всех случаях использование и понимание знака ограничено обязательным условием – предварительным знанием его значения. Причиной является то обстоятельство, что условный знак не воспроизводит свойств объекта, а лишь обозначает его, т. е. связан с ним произвольно. «Произвольность знаковых систем по отношению к денотатам имеет принципиальное значение для многих знаковых систем, придавая связи знаков и обозначаемых предметов условный характер в том смысле, что одна и та же предметная область может обозначаться различными системами знаков».¹⁸

Произвольность условного знака по отношению к оригиналу не означает полной произвольности их выбора. С практической стороны выбор знаков ограничен рядом требований. Знаки должны легко восприниматься, воспроизводиться и передаваться. Этим определяются некоторые особенности их материальной формы: неизменность, однотипность, определенность (позволяющая отличить один знак от другого).

Связь условного знака с денотатом не имеет объективных оснований, т. к. здесь не обязательны ни сходство знака и предмета, ни их соотнесенность по принципу смежности или каузальности. В этом случае для образования знака и для его понимания решающую роль приобретает конвенциональность – наличие «договоренности» между людьми о его значении.

Максимальная условность характеризует и символические средства в искусстве, что определяется теми же самыми причинами, а именно: произвольностью их связи с денотатом, отсутствием соотношения между данным средством и структурой отображаемого явления. Следует, однако, подчеркнуть, что здесь речь идет только о соответствии между структурой знака, с одной стороны, и отражаемого явления – с другой (в искусстве это касается лишь художественной формы).

Поэтому в искусстве в качестве знаков-символов могут быть использованы часто жизнеподобные формы, но отражающие нечто, отличное от изображенного. Скажем, изображение скрещенных серпа и молота – символа союза рабочих и крестьян в советской эмблематике. Однако изображение самих серпа и молота могло быть иллюзорным, точным, в то же время выступая в роли символа. В качестве знака-символа в некоторых случаях может выступать иконический знак, но тогда он выполняет совершенно иную функцию в контексте художественного произведения, т. е. иконический знак выступает в роли символа. «Один из парадоксов искусства заключается в том, что изначально самое бесхитрое жизнеподобное произведение со временем может обрести ассоциации, становясь аккумулятором чувствований и настроений своего времени и делаясь его символом – в ряду символов иных эпох».¹⁹ Не случайно С. М. Даниэль говорит о трансформации изображения в символ, анализируя творчество

¹⁸ Резников Л. О. Гносеологические проблемы семиотики. – Л., 1964. С. 304.

¹⁹ Мириманов В. Б. Изображение и стиль: Специфика постмодерна. Стилистика 1950–1990-х гг. – М., 1998. С. 36.

Рембрандта.²⁰ Символические средства широко применяются в различных видах искусства. Полная условность этих средств относится только к отображению в них внешних, материальных признаков действительности, и не только не препятствует, но в целом ряде случаев даже и способствует проникновению в сущность этих явлений и воплощению этой сущности.

Серп и молот

II. Место семиотики среди других наук

Из всего вышеизложенного становится понятным, что семиотика как наука не существует вне влияний и взаимосвязей с другими науками. Некоторые из них многое ей передают для стройности и полноты системы логических построений, но, с другой стороны, для других наук семиотика становится базовой и во многом определяющей их основные категории и положения.

Уже понятно, что базовой для семиотики является лингвистика – наука, из недр которой зародилась сама семиотика. Сама наука лингвистика (от лат. *lingua* – язык, языкознание) изучает естественные человеческие языки. И для семиотики стала основным источником научной терминологии, из которой были заимствованы базовые понятия. Естественный язык – наиболее важная и лучше всего изученная знаковая система. Поэтому лингвистика оказывается одной из важнейших составляющих семиотики. Лингвистика как наука имеет разные разделы, с некоторыми из них семиотика связана теснее, с другими – лишь косвенно. В наибольшей степени семиотика связана с общим языкознанием, изучающим свойства, присущие любому языку. Но и некоторые другие разделы лингвистики оказываются в сфере взаимодействия с семиотикой. Так, раздел фонологии, изучающий звуки языка, входит составляющим элементом в невербальную семиотику. Грамматика в языкознании выделяет два уровня – морфоло-

²⁰ Даниэль С. М. *Картина классической эпохи: Проблема композиции в западноевропейской живописи XVII века.* – Л., 1986. С. 153.

гию и синтаксис. И, как мы видели, и в семиотике выделяются по типу соотношений в лингвистике разные уровни предмета исследования.

Как и лингвистика, прародительница семиотики, изучаемая наука связана с социальными дисциплинами, которые исследуют человека и человеческое общество. И в первую очередь эта связь характерна с философией.

Среди философских дисциплин, влияющих на изучение семиотики, выделяется культурная антропология, изучающая коммуникацию посредством любых сообщений. Так же особое место в значении для семиотики занимает герменевтика (от греч. *hermeneutikos* – разъясняющий, истолковывающий), – искусство и теория толкования текстов. В идущих от В. Дильтея течениях философии кон. XIX—нач. XX в. – учение о понимании, методологических основах гуманитарных наук.

Анализируя «чистое сознание», Э. Гуссерль выделил в нем несознаваемый фон интенциональных актов сознания, тот «нетематический горизонт», который дает некоторое «предварительное знание» о предмете. Горизонты отдельных предметов сливаются в единый тотальный горизонт, который Гуссерль впоследствии назвал «жизненным миром», и который делает возможным взаимопонимание индивидов; при любом исследовании далекой от нас культуры необходимо прежде всего реконструировать «горизонт», «жизненный мир» этой культуры, в соотношении с которым мы только и можем понять смысл отдельных ее памятников.

М. Хайдеггер истолковал реальность «жизненного мира» как языковую реальность по преимуществу. Язык как исторический горизонт понимания определяет судьбу бытия: не мы говорим языком, а скорее язык «говорит нами», язык – это «дом бытия». Разработка философской герменевтики как современной философии была начата итальянским историком права Э. Бетти и немецким философом Х. Г. Гадамером. Гадамер, ученик Хайдеггера, понимает герменевтику не просто как метод гуманитарных наук, но как учение о бытии, как онтологию («Истина и метод. Основные черты философии герменевтики» – «*Wahrheit und Methode. Grundzuge einer philosophischen Hermeneutik*», 1960). Согласно Гадамеру, основу исторического познания всегда составляет «предварительное понимание», заданное традицией, в рамках которой только и можно жить и мыслить. Носителем понимания, традиции является, по Гадамеру, язык. Критикуя позитивистское отождествление слова естественного языка со знаком, Гадамер видит заслугу В. Гумбольдта в том, что он «раскрыл сущность языкового понимания как миропонимания», положив тем самым начало герменевтическому направлению в лингвистике.

В 1960–70-х гг. проблемы герменевтики разрабатывались П. Рикером во Франции, Г. Куном, А. Аппелем в ФРГ, Э. Коретом, Э. Хайнтелем в Австрии, а также рядом философов в Дании, Нидерландах, США.

Герменевтическая мысль превращает театр всего мира в лингвистический феномен и одновременно не признает за языком какую-либо коммуникативную власть.

Один из разделов современной философии – рецептивная эстетика, связанная с эпохой постмодернизма. Художественное произведение в свете рецептивной эстетики представляет собой социокультурное моделирование, в ходе которого и автор, и воспринимающий участвуют в построении совместной картины мира. Восприятие при этом оказывается не только входением в мир значений произведения, а формой входения в мир, опытом приобретения единства составляющих, пропущенных через ткань текста художественного произведения.

Безусловно, что семиотика не может не быть связана с культурологией. Если посмотреть учебники по культурологии, появившиеся в последнее время у нас в стране, так как эта дисциплина стала широко востребованной, то ни в одном из них не будет пропущена часть, посвященная семиотическому осмыслению культуры. И это вполне понятно и естественно. Культурология – наука, изучающая культуру.

Но культура полна разного рода знаков, которые требуют декодировки. И без знания основ семиотики культурология оказывается неполной и неточной.

Несомненно также, что семиотика связана с психологией, ибо психическая деятельность человека неразрывна с мышлением, а семиотика как раз изучает возможности коммуникации именно на основе мышления. Психология – это наука о закономерностях развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности. В свою очередь психика – это системное свойство человека в активном отражении объективного мира, построении индивидуальной картины мира в его сознании. А это уже непосредственно указывает на необходимость связи психологии с философией. Например, такое направление в философии, как бихевиоризм, в основном сосредоточился на психологическом исследовании поведения индивидов. Преодолением позитивизма бихевиоризма стал заниматься психоанализ. Представители психоанализа стали непосредственно использовать в своих исследованиях методологию философии. Социальные аспекты психики становятся предметом анализа философии. В целом, психология, как и философия, несомненно и неразрывно влияют на семиотику и подпитывают ее. В то же время многие разделы семиотики оказывают обогащающее действие на эти дисциплины.

Оказалось, что и с естественными науками семиотика также связана. И в первую очередь с кибернетикой и синергетикой.

Семиотика стала развиваться параллельно с кибернетикой. Наука эта об общих законах получения, хранения, передачи и переработки информации стала развиваться независимо и параллельно семиотике. Кибернетика зародилась как исследование информации, связанной с различного рода средствами ее передачи через различные искусственные системы, к которым сначала относились электронно-вычислительные машины (ЭВМ), непосредственно ставшие предтечей современных компьютеров. Формировалась кибернетика как теория общих принципов создания систем управления и систем для автоматизации умственного труда. В современном виде кибернетика стала развиваться после выхода в свет работы американского ученого Н. Винера «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» (1948 г.). Его называют «отцом кибернетики». Начиная с 50-х годов XX в. кибернетика рассматривает с позиции неограниченных возможностей моделирования сколь угодно сложных процессов управления, включая мышление человека. Общим для кибернетики и семиотики оказалось понятие «модель».

Столь же неожиданной проявилась связь семиотики с синергетикой, наукой, исследующей процессы самоорганизации в природных, социальных и когнитивных системах. Эта физико-математическая дисциплина сформировалась в 70-х годах XX столетия. Однако методология синергетики принципиально отличается от методологии кибернетики. Если кибернетическая система организуется под действием команд управляющего органа, то в синергетической системе организация возникает без управляющих команд. Теоретическим источником синергетики были неравновесная термодинамика и теория динамических систем. Открытия синергетики привели к коренному переосмыслению целого ряда традиционных философских концепций. Развитие теперь понимается через бифуркации. Синергетика – наука о хаосогенных процессах и формах их преодоления так же, как и кибернетика, неожиданно сомкнулась в своих исследованиях с семиотикой.

Не обходится семиотика и без связи с искусствоведческими дисциплинами, так как искусство несет в себе определенные знаковые значения. Среди искусствоведческих дисциплин ведущее направление для семиотики приобрела иконология. Иконология возникла из иконографии. В начале XX века развитие археологии, потребность в точной атрибуции, систематизации коллекций, написание научных каталогов, интенсивное развитие медиэвистики – нуждалось в точных научных методах анализа искусства, точном описании содержания художественных произведений, определения тем и образов, их классификации. В это время ико-

нография стала выделяться в самостоятельную, хотя и вспомогательную научную дисциплину в рамках истории искусства. Более глубокий анализ, связанный с интерпретацией полученных данных, заставил исследователей строить более аргументированные суждения, связанные с аналогиями из разных форм искусства, религии, философии, истории, литературы и частной жизни. Так возник иконологический метод, наиболее полно представленный в работах Э. Панофского и непосредственно связанный с семиотикой. Предшественниками иконологического метода можно считать Ипполита Тэна, известного искусствоведа, привлекавшего в анализ произведений искусства историческую и культурную ситуацию эпохи, и Макса Дворжака, маститого ученого, который, опираясь на формальный анализ, стремился поставить анализируемое произведение в определенный исторический контекст, связывая его с философскими и религиозными тенденциями времени. Метод этот получил свое непосредственное название в лекции Аби Варбурга (друга и соавтора Э. Панофского), прочитанной в Риме в октябре 1912 года перед аудиторией X Международного конгресса истории искусств и посвященной анализу цикла фресок в Палаццо Скифанойя в Ферраре. Именно тогда Аби Варбург назвал используемый им метод изучения космологического содержания зодиакальных изображений анализируемого цикла «иконологическим анализом». Часто этот метод справедливо называют не методом искусствознания (Kunstwissenschaft), а методом культурологии (Kulturwissenschaft). Этот метод стал методологической основой научной деятельности Э. Панофского. Но содержанием его метода и конечными целями исследований стала философия «символических форм» Эрнста Кассирера.

III. Кому и зачем нужна семиотика

Последний, небольшой раздел лекции о предмете и задачах семиотики посвящен тому, как практически может использоваться знание науки семиотики.

В первую очередь семиотика непосредственно необходима философам и культурологам. И это понятно из описания свойств и характера изучаемой науки. Без осмысления науки семиотики в современных условиях занятия этой дисциплиной практически невозможно.

Понятно, что семиотика необходима психологам. Одним из ярких представителей психолингвистики, семиотики психологической деятельности является известный ученый Т. В. Черниговская, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Понятно, что в эпоху постмодернизма современное искусство прибегает к терминологии семиотики, и сегодня не только искусствоведческие труды, но и сами художественные произведения и их объяснение творцами используют семиотическую терминологию.

Интересный прецедент произошел с нашей книгой «Опыт энциклопедического словаря по семиотике культуры и искусства» (СПб.: СПбГУКИ, 2001). Однажды в Союзе художников ко мне подошла незнакомая женщина и сказала, что ее дочь учится в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Профессор девушке объяснил, что если студенты не будут пользоваться моей книгой, успехов им не достичь. А вот какой-то студент, изучивший ее, получил очень престижный и весьма значительный грант. Книга уже разошлась и женщина просила помочь получить эту книгу для дочери. Это было приятно и я с радостью отдала имевшийся у меня экземпляр. В связи с этим я подготовила второе издание. Каково же было мое удивление, когда на выставке Владимира Трубакова, проходившей в Академии Художеств в ноябре 2004 года, в качестве основного экспоната, служившего для художника основным творческим руководством, лежало второе издание моей книги. Теперь она называлась «Семиотика культуры и искусства. Словарь-справочник» (СПб., «Композитор», 2003). На выставке она была раскрыта на статье «Иконология».

Семиотический аспект присутствует и в таких науках, как медицина, биология. В медицине даже существует раздел – семантика, когда по определенным признакам изучают про-

явление различных болезней. Медицинская семиотика – отдельная наука, которой занимаются в основном медики. Одним из представителей этого направления в науке является А. Крель, живущий в Санкт-Петербурге. Но им для исследований необходим категоричный аппарат семиотики. То же можно сказать и о биосемиотике, получившей в последнее время широкое распространение. И проблемы которой получают освещение на многочисленных конференциях и симпозиумах, проходящих в разных странах мира – как России, так и в Европе и Америке.

Лекция 2. Отечественная история семиотики

1. Зарождение и развитие семиотики в революционные годы

В России развитие семиотики пришлось на предреволюционные и первые годы после Октябрьской революции.

Одним из представителей зарождавшейся науки был Густав Густавович Шпет (1878–1940). Основная сфера занятий – философия, в которой он был последователем Гуссерля. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета. В 1907 переехал в Москву. В 1910 и 1912 был в Германии и Англии. В 1916 защитил диссертацию «История как проблема логики». С 1918 Шпет – профессор Московского университета, с 1921 – действительный член, а с 1923 по 1929 годы вице-президент Российской академии художественных наук (впоследствии ГАХН). Занимался литературной и философской работой, переводами «Феноменологии духа» Гегеля. Шпет строил свою концепцию по принципам феноменологии

Гуссерля: все, что дано, слагается из «явлений» и находимых в них «смыслов». Поскольку историческую науку Шпет понимал как «чтение слова» в его значащей функции, основной оказывается проблема истолкования. «Эстетические фрагменты» исследуют структуру эстетического предмета и намечают вопросы философии языка. Его можно назвать одним из зачинателей семиотики в России. У Шпета язык выступает несущей конструкцией культуры. Главная его идея состояла в связанности смысла вещи и символа вещи через их общий культурный код. Им были разработаны методы интерпретации «смыслов» и «текстов» культуры. Его учение о морфологии эстетического сознания стали определяющими идеями для формирования «московской» и «пражской» школ.

Важным этапом в становлении семиотики в России стал Московский лингвистический кружок – научное общество, основанное в 1915 г. по инициативе студентов-филологов Московского университета и просуществовавшее до 1942 г. Председатели: Р. О. Якобсон (1915–1919), М. Н. Петерсон (1920), А. А. Буслаев (1921), Г. О. Винокур (1922–1924). В 1920 г. в период расцвета его деятельности, Московский лингвистический кружок насчитывал 34 действительных члена и 3 почетных (в их число входил знаменитый автор словаря Д. Н. Ушаков), и охватывал значительную часть молодого поколения московских исследователей языка и языковых вопросов литературы и фольклора.

Одним из основных направлений деятельности Московского лингвистического кружка было всестороннее исследование поэтики. Вместе с ОПОЯЗом²¹ Московский лингвистический кружок выдвинул требование строго формального анализа художественных произведений. Исследования велись в тесной связи между языкознанием и литературоведением. По концепции Московского лингвистического кружка, поэтический язык по сравнению с языком как средством общения выполняет особую эстетическую функцию. В отличие от ОПОЯЗа, настаивавшего на полной автономии истории развития художественных форм, Московский лингвистический кружок доказывал необходимость социологического обоснования их истории. Московский лингвистический кружок вел полемику по вопросам ритмики с поэтами-символистами А. Белым и В. Я. Брюсовым. Вопросам теории стиха были посвящены труды С. И. Бернштейна, С. М. Бонди, О. М. Брика, Б. В. Томашевского, Р. Якобсона, Б. И. Ярхо и др. Членами Московского лингвистического кружка были и поэты: В. В. Маяковский (в 1920 впервые прочитавший здесь поэму «150000000»). Б. Л. Пастернак, О. Э. Мандельштам, Н. Н. Асеев.

В последний период существования Московского лингвистического кружка первоначальное единство его целей и принципов было утрачено. Члены кружка вели споры о месте и границах эмпиризма, месте семантики и фонетики в науке о языке, о проблеме «внутренней формы», критериях разграничения поэтической и обиходной речи, отношениях между языком и культурой. Это было связано с обсуждением философии языка Г. Г. Шпета и его идей в области теории литературы, оказавших значительное влияние на членов Московского лингвистического кружка. В связи с трудностями публикаций, многое из достояния Московского лингвистического кружка осталось только в архивах. Главным путем распространения идей кружка была устная передача. Многие идеи этого научного объединения были развиты Пражской лингвистической школой, повторившей его организационно и включившим в свой состав ряд его членов. Значительную роль в этом сыграл Роман Осипович Якобсон (1896–1982). Он окончил Лазаревский институт восточных языков (1914) и Московский университет (1918). В составе постпредства РСФСР выехал в Прагу (1921). В Праге основал вслед за созданным им в Москве Московским лингвистическим кружком – Пражскую лингвистическую школу. В СССР не вернулся и уехал в США. Там стал профессором Гарвардского университета и Массачусетского технологического института и основал Нью-Йоркский лингвистический кружок. Один из основоположников структурализма. В области литературоведения работы чрезвычайно широ-

²¹ ОПОЯЗ – общество по изучению поэтического языка.

кого спектра, которые посвящены: раннеславянской поэзии, «Слову о полку Игореве», «Задонщине», А. С. Пушкину, А. Н. Радищеву, А. А. Блоку, В. В. Хлебникову, Б. Л. Пастернаку, В. В. Маяковскому, Данте, Шекспиру, У. Блейку, Ш. Бодлеру, М. Эминеску, Б. Брехту и др. Значителен вклад Якобсона в текстологию (издания и комментарии к славянским текстам). Опубликовал работы по раннеславянскому эпосу, славянской мифологии, ритуалу, отдельным видам искусства (напр., по семиотике кино).

Основные труды Якобсона в области языкознания посвящены лингвистике (фонологии, теории дифференциальных признаков, соотношению диахронии и синхронии, типологии, языковым универсалиям и др.), а также славянским языкам (прежде всего – русскому); в области поэтики – стиховедению, метрике разных языковых традиций. Опубликовал многочисленные исследования поэтических текстов.

Идеи Якобсона в разных областях науки дали начало ряду направлений и школ во многих странах мира. Почетный член многих научных обществ, национальных академий и университетов. Роман Якобсон приезжал в СССР (см. об этом в эссе Б. Наймана «Б. Б. и другие»), участвовал в I Международном Конгрессе семиотиков в Италии в 1974 г., где встречался с советскими представителями московско-тартуской школы. С Романом Якобсоном связано дальнейшее развитие семиотики за рубежом. Его имя связано с Пражской лингвистической школой, основоположником которой он стал. Затем, эмигрировав в Америку, он стал генератором развития семиотических исследований и там.

Известным членом Московского лингвистического кружка был Петр Григорьевич Богатырев (1893–1971) – этнограф, фольклорист, литературовед, доктор *honoris causa* Карлова университета в Праге, университета Яна Амоса Каменского в Братиславе. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1918). Один из основателей Московского лингвистического кружка. Совместно с Якобсоном организовал Пражский лингвистический кружок. Был репрессирован, впоследствии реабилитирован. Последние годы жизни профессор филологического факультета МГУ. Направления научных интересов многообразны: исследование обрядов и магических действий, народного театра, фольклора. Рассматривал народный костюм как семиотическую систему («Функции национального костюма в Моравской Словакии»). По мнению Богатырева, национальный костюм или крестьянский дом может сделаться знаком, но при этом приобретает значение, выходящее за пределы единичного существования.

Другая ветвь зарождения семиотики была претворена в Московской Фортунатовской школе (московская лингвистическая школа, «формальная» лингвистическая школа). Это было направление, сложившееся в результате научной и преподавательской деятельности Ф. Ф. Фортунатова в Московском университете в 1876–1902 гг., занимавшее центральное положение в отечественном языкознании (русистика, славистика, компаративистика, общая теория языка) и оказавшее существенное влияние на развитие отечественного (а в известной мере – и европейского) языкознания. Московскую Фортунатовскую школу называют иногда «формальной», т. к. она проповедовала необходимость поиска собственных лингвистических «формальных» критериев при исследовании языка для всех областей языкознания. К концу XIX в. языкознание тяготело либо к психологии (в морфологии), либо к физиологии (в фонетике), либо к логике (в синтаксисе), либо к «истории народа» (в лексикологии). Пафос Московской Фортунатовской школы, по словам Л. Ельмслева, «в протесте против смешения грамматики с психологией и логикой». Фундаментальные положения этой школы сыграли существенную роль в создании лингвистических концепций Пражской лингвистической школы и Копенгагенского лингвистического кружка, а также массачусетской ветви американского структурализма (Якобсон и его ученики).

Звуковому уровню языка были посвящены исследования Московской фонологической школы. Фонология – (от греч. *phone* – звук) – раздел языкознания, изучающий звуки речи и

просодические явления как средства смысловозначения (фонемы) по выполняемым им функциям. Школа эта возникла в конце 1920-х гг. Ее основатели – Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров, А. М. Сухотин – и их единомышленники – И. С. Ильинская, Г. О. Винокур, А. И. Зарецкий и др. – опирались на идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ (представителя Казанской лингвистической школы). На формирование Московской фонологической школы оказали влияние и взгляды Н. Ф. Яковлева, также продолжавшего традиции Бодуэна де Куртенэ. Развитие идей Московской фонологической школы содержится в трудах ее представителей второго и следующего поколений. Обобщение идей школы в виде целостной концепции, отражающей ее состояние в 60–70-х гг., было осуществлено М. В. Пановым.

М. М. Бахтин

Яркой фигурой, во многом предопределившей развитие многих направлений лингвистики, литературоведения и, что особенно важно для нашего предмета изучения, семиотики, был Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975). Он окончил филологический факультет Петроградского университета. В 1920 – начал педагогическую и литературную работу. В кн. «Проблемы творчества Достоевского» (1929) Бахтин исследовал полифонический характер романов Достоевского в связи с анализом стилистики его произведений. Автор работы «Ф. Рабле в истории реализма» (диссертация, 1940, архив Института мировой литературы им. М. Горького АН СССР). На основе диссертации была подготовлена книга в 1940, которая увидела свет только четверть века спустя, в 1965 г. под названием «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», во многом определив развитие мировой культурологии. С 1957 руководил кафедрой литературы Мордовского Государственного университета (г. Саранск). Им написано множество статей о творчестве Л. Н. Толстого, много работ по разным вопросам литературы и искусства. И все же творческое наследие Бахтина относительно невелико. Но с каждым годом оно возрастает качественно, открываясь для нас все новыми гранями, вступая в опосредованный диалог с современными учеными разных направлений. В

этом смысле Бахтин – наш современник, заложивший основания грандиозного понятийно-терминологического аппарата всей филологии и культурологии предстоящего столетия.

В начале XX в. в лингвистике соперничали два основных направления философско-лингвистической мысли, которые по своему пониманию языка были прямо противоположны друг другу. Одно было представлено школой Ф. де Соссюра, другое – школой К. Фосслера. Ф. де Соссюр понимал язык как устойчивую систему нормативно тождественных языковых форм, которая не создается индивидами, а берется ими от своих предков и усваивается в готовом виде, а К. Фосслер – как творческий психолого-эстетический процесс вечного его созидания, осуществляемый именно индивидами в их речевых актах. Бахтин со своим коллегой В. Н. Волошиновым были первыми, кто обнаружил односторонность обоих направлений.

Среди работ Бахтина по семиотике искусства выделяются заметки 1956–1960 гг., впервые опубликованные под заглавием «Проблема текста» в «Вопросах литературы» за 1976 г. (номер 10, публикация В. Кожина). В изданной в 1979 г. книге Бахтина «Эстетика словесного творчества» они помещены под заголовком «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа». В этих заметках, представляющих материал для большого исследования (к сожалению, не осуществленного), уже видна сложившаяся система взглядов Бахтина на язык искусства.

В первую очередь следует отметить, что Бахтин рассматривает понятие «язык искусства» по отношению не только к литературе, но и к живописи, музыке, т. е. «язык искусства» для него – интегральный термин, применимый ко всем видам искусства. Это – система знаков, все «повторенное» и «воспроизведенное», «повторимое» и «воспроизводимое».

С понятием «язык искусства» тесно связана проблема условного и безусловного в искусстве. По Бахтину, любой язык представляет собой условную систему знаков. Но сам язык безусловен, как безусловно и художественное произведение – единственный и неповторимый «текст». Вместе с тем Бахтин подчеркивает, что если «всякую систему знаков» (т. е. всякий язык) можно легко перевести на другой язык, то художественное произведение (текст) никогда нельзя перевести «до конца», полностью, ибо, как он поясняет, «нет потенциального единого текста текстов». Кроме того, любое произведение, текст «всегда есть в какой-то мере свободное и не предопределенное эмпирической необходимостью откровение личности».²²

Автора мы всегда чувствуем в художественном произведении, но никогда до конца воспроизвести его для себя через его художественное произведение не можем. Реальны лишь различные виды и формы его понимания через усвоение знаковой системы языка автора, ибо автор всегда использует один из возможных, а не «безусловный язык», единственно возможный. В связи с анализом условного и безусловного в языке искусства Бахтин приходит к проблеме реализма в искусстве, который понимается им как «приближение средств изображения к предмету изображения» в отличие от натурализма.

Центральным понятием для анализа языка искусства становится для Бахтина текст как «связный знаковый комплекс» художественного произведения, «первичная данность» для системного изучения художественной культуры. Бахтин выделяет письменный и устный, а также «подразумеваемый» текст. Каждый текст художественного произведения имеет «субъекта», автора и «истолкователя». Сам текст включает в себя замысел и его осуществление. Как правило, замысел разнится от его воспроизведения. Бахтин считает, что при анализе художественного произведения расхождения, динамические взаимоотношения замысла и его претворения, их борьба могут помочь проникновению в суть художественного произведения. Истолкование же текста может иметь разные формы: 1) примера, 2) воображаемого текста, 3) конструируемого текста. Таким образом, любое художественное произведение всегда содержит в себе потенциальный диалог с воспринимающим, на которого оно рассчитано. При этом автор,

²² Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. – М., 1979. С. 285.

его образы и персонажи также включают в себя диалогичность, так что текст изначально, на авторском уровне, двуедин, имея разные смысловые плоскости, на которые накладывается диалогичность (истолкование) художественного текста. Любой текст представляет собой «субъективное отражение объективного мира». Таким образом, интерпретируя текст, мы погружаемся в выражение «что-то отражающего сознания», когда наше познание текста становится «отражением отражения».

Текст, по Бахтину, связан с контекстом. Он указывает, что «за каждым текстом стоит система знаков», но каждый текст в то же время является «индивидуальным, единственным, неповторимым». И этот его «второй полюс» раскрывается только в ситуации «в цепи текстов», он осуществляется «чистым контекстом».

Понятия «язык искусства» и «текст» тесно связываются Бахтиным с понятием жанр. Понятно, что при создании художественного произведения автор движется от внутренних слоев содержания к внешним слоям формы. При восприятии декодирование художественного текста произведения идет в обратном направлении. Язык искусства всегда учитывает эти двунаправленные движения. Современная психологическая наука условно вычленяет несколько уровней (или актов) единого процесса восприятия: 1) чувственное созерцание; 2) отнесение наблюдаемого к определенной категории; 3) осознание его конкретного смысла в данном контексте; 4) оценка, отношение. Бахтин по отношению к художественному восприятию называет эти уровни «актами познания»: 1) психофизиологический уровень восприятия знака; 2) узнавание знака; 3) понимание его значения в данном контексте; 4) включение в диалектический контекст.

Представленная концепция Бахтина «язык искусства» оказалась на уровне самых современных структуралистских изысканий, во многом предопределив и предвосхитив их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.